
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОЛЛИЗИОННЫХ НОРМ, ПРИМЕНЯЕМЫХ К НАСЛЕДОВАНИЮ В РФ И АРМЕНИИ

А.Т. Мовсисян

Кафедра гражданского и трудового права
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена сравнительному анализу коллизионных норм, регулирующих наследственные отношения, осложненные иностранным элементом. В ней рассматриваются коллизионные вопросы наследования, поскольку данные нормы претерпели некоторые изменения.

За последние годы количество наследственных дел, осложненных иностранным элементом, значительно возросло. Резко увеличилось в государственных и третейских судах дела с иностранным участием. Это обусловлено, во-первых, изменением политической, экономической ситуации на территории бывшего Советского Союза, во-вторых, увеличением миграции граждан, закреплением права на выбор места жительства, деловыми контактами с иностранными физическими и юридическими лицами, в том числе по вопросам инвестирования, в-третьих, тем, что советское право рассматривало международное частное право как очень узкую область права.

Вопросы наследования в международном частном праве (далее — МЧП) являются одними из наиболее сложных. Коллизии возникают как при наследовании по закону, так и при наследовании по завещанию. Определение соответствующего правопорядка осложняется:

- 1) постоянным проживанием на территории России или Армении субъекта отношения — иностранного физического лица;
- 2) нахождением на иностранной территории объекта отношения (имущество, авторские права);
- 3) тем, что юридический факт имеет место за границей (смерть российского гражданина, составление завещания и т.д.).

Отметим, что наличие иностранного элемента в наследственных отношениях еще не означает решения коллизионного вопроса в пользу иностранного права. Правовые нормы, разрешающие вопросы столкновения отечественных и иностранных законов, носят название «коллизионные». В зависимости от механизма создания и применения коллизионные нормы подразделяются на внутренние и договорные. Внутренние коллизионные нормы являются частью национальной правовой системы, которую государство разрабатывает и принимает самостоятельно в пределах своей юрисдикции.

Что понимаем под коллизионной нормой? В науке МЧП коллизионная норма в большинстве случаев традиционно рассматривалась как норма гражданского права.

Профессор Л.А. Лунц подчеркивал, что «коллизионная норма вместе с материально-правовой нормой, к которой она отсылает, образует настоящее правило поведения для участников гражданского оборота. Коллизионная норма, как и всякая другая гражданско-правовая норма, может иметь либо императивный, либо диспозитивный характер» [11, с. 152-154].

Таких же взглядов придерживались и другие крупнейшие специалисты в области МЧП, например И.С. Перетерский и С.Б. Крылов. Они полагали, что «коллизионная норма регулирует разрешение определенного вопроса, но не самостоятельно, а в совокупности с тем источником права, на который она ссылается» [24, с. 11].

В дореволюционной научной литературе России была высказана мысль о том, что «коллизионная норма содержит в себе императив, обращенный только к органам государственной власти, уполномоченным делать выбор между разноместными гражданскими законами» [3, с. 78]. То есть она обращена к суду, административному органу государства. Отсюда следовал вывод о публично-правовой природе коллизионных норм.

По мнению М.М. Богуславского, «коллизионная норма — это норма, определяющая, право какого государства должно быть применено к соответствующему правоотношению. Коллизионная норма носит отсылочный характер, она только отсылает к материальным нормам, предусматривающим решение соответствующего вопроса. Поскольку коллизионная норма — норма отсылочного характера, ею можно пользоваться только вместе с каким-либо материально-правовыми нормами, к которым она отсылает, — нормами законодательства, решающими вопрос по существу. Вместе с материально-правовой нормой, к которой она отсылает, коллизионная норма выражает определенное правило поведения для участников гражданского оборота» [2, с. 75-76].

Интересна, на наш взгляд, точка зрения В.П. Звекова о том, что «коллизионная норма, допускающая применение иностранного права — это проявление самоограничения принявшего ее суверена, обусловленное потребностями международного гражданского оборота. Воля к такому самоограничению должна быть выражена в форме акта, обладающего высшей юридической силой, т.е. в форме федерального закона. Ведь результатом самоограничения является допущение действия иностранного закона, выражающего волю иностранного суверена в отечественном «правовом пространстве» [6, с. 105].

К вопросу о применении иностранного права немецкий цивилист К. фон Савиньи придерживался позиции, что: «иностранное право применяется, конечно, с добровольного согласия территориальной власти, но это согласие не акт милости, а результат все более развивающегося правосознания» [13, с. 157].

В чем же состоит необходимость коллизионных норм? Материальное право отдельных стран по-разному регулирует однородные общественные отношения, например, в случае нахождения имущества наследодателя в разных странах (движимого или недвижимого), смерти наследодателя за границей, составления завещания за рубежом и т.д.

До принятия новых гражданских кодексов Российской Федерации и Республики Армения отношения наследования, осложненные иностранным элементом, регулировались Основами гражданского законодательства Союза ССР и Республик 1991 г. (далее — ОГЗ 1991 г.), где раздел VII посвящен правоспособности иностранных граждан и юридических лиц — «Применение гражданских законов иностранных государств и международных договоров». Основы гражданского законодательства Союза ССР и Республик 1991 г. вводились в действие с 1 января 1992 г.,

но в декабре 1991 г. Советский Союз прекратил свое существование. Статья 169 ОГЗ 1991 г. предусматривала, что:

«1. Отношения по наследованию определяются по праву страны, где наследодатель имел последнее постоянное место жительства.

2. Способность лица к составлению и отмене завещания, а также форма завещания и акта его отмены определяются по праву страны, где завещатель имел постоянное место жительства в момент составления акта. Однако завещание или его отмена не могут быть признаны недействительными вследствие несоблюдения формы, если последняя удовлетворяет требованиям права места составления акта или требованиям советского права.

3. Наследование строений и другого недвижимого имущества, находящегося в СССР, а также прав на это имущество определяется по советскому праву. Тем же правом определяются способность лица к составлению или отмене завещания, а также формы последнего, если завещается указанное имущество или права на него» [25, с. 244].

Таким образом, новые гражданские кодексы (далее — ГК) России и Армении восприняли коллизионные нормы ОГЗ 1991 г., хотя эти нормы претерпели некоторые изменения. С целью унификации правовых норм был создан специальный межгосударственный орган — Межпарламентская ассамблея государств — участников СНГ, которая разработала и представила модельный ГК для стран СНГ. При этом модельный кодекс имеет рекомендательный характер и оказывает влияние на законотворческий процесс (ст. ст. 1233, 1234, 1235 посвящены наследственным отношениям [20, с. 83-84]). Предложенные коллизионные нормы модели ГК (часть третья) для стран СНГ были попыткой не только обновить, но и найти выход в противоречии коллизионных привязок — «право гражданства» и «право последнего место жительства», а также расширить сферу применения коллизионных привязок.

В России коллизионные нормы, действующие в сфере наследственных отношений, осложненные иностранным элементом, закреплены в разделе VI части третьей (ст. 1224) ГК РФ. По сути, ст. 1224 ГК РФ содержит несколько коллизионных правил, каждая из которых, регулируя вопросы наследования, имеет в этих рамках свою область применения. В ст. 1224 ГК РФ закреплено, что:

«1. Отношения по наследованию определяются по праву страны, где наследодатель имел последнее место жительства, если иное не предусмотрено настоящей статьей.

Наследование недвижимого имущества определяется по праву страны, где находится это имущество, а наследование недвижимого имущества, которое внесено в государственный реестр в Российской Федерации, — по российскому праву.

2. Способность лица к составлению и отмене завещания, в том числе в отношении недвижимого имущества, а также форма такого завещания или акта его отмены определяются по праву страны, где завещатель имел место жительства в момент составления такого завещания или акта. Однако завещание или его отмена не могут быть признаны недействительными вследствие несоблюдения формы, если она удовлетворяет требованиям права места составления завещания или акта его отмены либо требованиям российского права» [4, с. 346].

Таким образом, в основу коллизионного регулирования положен принцип разделения наследственного имущества на движимые и недвижимые вещи. Общим статутом является принцип последнего место жительства наследодателя (абз. 1 п. 1 ст. 1224 ГК РФ). Гражданство наследодателя значения не имеет. По мнению А.А. Рубанова, советское право «оставляет без внимания такой иностранный элемент на-

следственного правоотношения, как иностранное гражданство наследодателя. Это следует признать правильным. Гражданство наследодателя само по себе не связывает отношение по наследованию с определенной системой собственности» [26, с. 161]. Согласно российскому законодательству наследование определяется последним местом жительства наследодателя, т.е. применяется право той страны, где наследодатель имел последнее место жительства в момент смерти, в отличие от законодательства Армении, которое предоставило право выбора наследодателю в завещании избрать право страны, гражданином которого он является (п. 1 ст. 1292 ГК РА).

По мнению В.Л. Толстых, «в некоторых государствах допускается возможность наследодателя в завещании указать право, которому он желает подчинить отношения наследования. Представляется, что подобное решение вполне может быть воспринято отечественным законодателем, тем более что его закрепили в своем законодательстве многие страны СНГ» [27, с. 487]. Наша позиция заключается в том, чтобы предоставить возможность наследодателю в выборе правопорядка, в связи с чем предлагаем внести соответствующие изменения в п. 1 ст. 1224 ГК РФ.

Под статутом наследования «понимается право, подлежащее применению в силу коллизионных норм к отношениям по наследованию, осложненным иностранным элементом» [21, с. 382]. Так, профессор Л.А. Лунц относил к наследственному статусу «все вопросы, касающиеся круга наследников по закону, очередности их призвания к наследованию, определения долей в наследственном имуществе; вопросы свободы завещательных распоряжений (в частности, вопросы круга возможных наследников по завещанию, их долей в наследственном имуществе, вопросы так называемых необходимых наследников и их обязательной доли, вопросы о подназначении наследников); вопросы срока на принятие наследства и срока на отказ от принятия наследства, о способности быть наследником (о так называемых недостойных наследниках)» [12, с. 699].

Важно отметить, что применение коллизионной нормы абз. 1 п. 1 ст. 1224 ГК РФ не связано с местом нахождения наследства (связанно с наследодателем), поэтому она может распространяться и на заграничное имущество. Например, «когда наследодатель к моменту смерти имел за границей права, вытекающие из договора с иностранным банком или из договора с иностранной страховой компанией» [8, с. 565].

Во-вторых, наследование недвижимого имущества определяется по праву страны, где находится это имущество (абз. 2 п. 1 ст. 1224 ГК РФ). Аналогичная коллизионная привязка закреплена также и в ГК Армении (ст. 1293), которая является двусторонней коллизионной привязкой. Таким образом, коллизионной привязкой для движимого наследственного имущества, как правило, служит закон последнего места жительства (*lex domicilii*) наследодателя, для наследуемой недвижимости — закон местонахождения вещи (*lex rei sitae*). Практически происходит расщепление статуса наследования, ведь последнее место жительства наследодателя может не совпадать с местом нахождения недвижимого имущества. Что касается коллизионной привязки абз. 2 п. 1 ст. 1224 ГК РФ, наследование недвижимого имущества, которое внесено в государственный реестр в Российской Федерации, определяется по российскому праву. Здесь ст. 130 ГК РФ относит к недвижимым вещам воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания, космические объекты.

По мнению Г.К. Дмитриевой, «привязка указывает на применение российского права, и поэтому коллизионная норма является односторонней» [17, с. 121], следовательно, «подлежащие государственной регистрации морские, речные и воздушные суда отнесены в России (ст. 130 ГК РФ) к категории недвижимого имущества, тогда как в других государствах они рассматриваются как движимое имущество» [14, с. 8].

Некоторые российские авторы предлагают абз. 2 п. 1 ст. 1224 ГК РФ изложить в следующей редакции: «Наследование недвижимого имущества определяется по праву страны, где находится это имущество, а наследование имущества, которое внесено в государственный реестр в Российской Федерации, — по праву страны, гражданство которой имел наследодатель» [5, с. 357]. Другие считают, что «наследование недвижимого имущества определяется по праву страны, где это имущество на момент открытия наследства внесено в государственный реестр» [28, с. 294]. Учитывая специфику данных объектов, предлагается следующий вариант: «наследование недвижимого имущества определяется по праву страны, где находится это имущество (коллизийный принцип — *lex rei sitae*), а наследование имущества определяется «по праву страны, где права на момент открытия наследства внесены в государственный реестр». Это, в свою очередь, означает независимость от того, в каком государстве зарегистрированы права на данные объекты (двусторонняя коллизийная привязка). В отличие от законодателя России, законодатель Армении данные объекты рассматривает как движимые вещи (воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания, космические объекты — п. 2 ст. 134 ГК РА).

Непосредственный интерес имеют коллизийные ситуации, возникающие при наследовании по завещанию. Обоснованным является замечание И.Г. Медведева, что «при наследовании по завещанию в основном используются такие же коллизийные правила, что и при наследовании по закону. Подобный подход может показаться странным, учитывая, что такое волеизъявление наследодателя должно давать более широкое место использованию в международном частном праве автономного закона» [19, с. 126]. Ведь завещание носит строго личный характер, представляет собой одностороннюю сделку. Наследники могут и не знать о существовании завещания в их пользу, поскольку ни российское, ни иностранное законодательство не возлагает на завещателя обязанности по информированию кого бы то ни было. Проблема состоит в том, что завещатель может составить завещание, касающееся имущества в целом (в том числе находящееся за границей движимого и недвижимого имущества) либо определенной части имущества.

Важным является также вопрос о дееспособности иностранного гражданина. В законодательстве России и Армении способность лица составить и отменить завещание определяется по праву страны, где завещатель имел место жительства в момент составления такого завещания или акта. По данному вопросу свои замечания выражают некоторые российские ученые, поскольку статья 1224 (п. 2) исходит из понимания завещания как специфической односторонней сделки, подчиняя завещательную дееспособность, а также форму завещания и акта его отмены коллизийным правилам, которые не совпадают ни с коллизийными нормами п. 1 этой статьи, применимыми к отношениям по наследованию, ни с коллизийными нормами, установленными для односторонних сделок (ст. 1217).

Обращает на себя внимание то, что эти коллизийные правила: 1) подлежат применению и в отношении недвижимого имущества; 2) подчиняют завещательную дееспособность статуту наследования, а не личному закону завещателя или статуту односторонней сделки; 3) будучи, как и другие нормы ст. 1224, императивными, исключают возможность выбора завещателем применимого права» [15, с. 11-12].

По мнению И.Г. Медведева, «гражданское состояние, право — и дееспособность физических лиц касаются их личного статуса и регулируются в соответствии с личным законом (*lex personalis*). Применимое право определяется в зависимости от гражданства (п. 1 ст. 1195 ГК РФ) либо места жительства лица (п. 3 ст. 1195 ГК РФ). Например, возраст достижения совершеннолетия гражданина Алжира, посто-

янно проживающего в Российской Федерации, регулируется в соответствии с российским законом и равен 18 годам. Если применимое право — алжирское (при отсутствии постоянного места жительства на территории России), то возраст достижения совершеннолетия, а значит, и дееспособности, равняется 19 годам» [19, с. 9]. Так, в иностранных государствах в качестве личного закона выступает либо закон гражданства (европейские и др. страны), либо закон места жительства (домицилия) — это в основном страны англо-американского права.

Существенной новеллой российского законодательства является п. 3 ст. 1195 ГК РФ, согласно которой если иностранный гражданин имеет место жительства в Российской Федерации, его личным законом является российское право. Авторы отмечают, что «ни Основы гражданского законодательства, ни модельный ГК для стран СНГ, ни законодательство иностранных государств, основанное на принципе гражданства, ни международные договоры России подобного изъятия не содержат. Устанавливая данное изъятие из общего правила, законодатель подчеркнул, что изъятие из общего положения только одной группы лиц (иностранцев, проживающих в России) имеет целью (или, по меньшей мере, практическим результатом) расширение сферы применения российского права как права страны суда (*lex fori*), а не права страны места жительства (домицилия)» [9, с. 328].

Законодатель Армении не ставит дееспособность иностранного гражданина в зависимость от места жительства в Республике Армения. Личным законом гражданина считается право государства, гражданство которого это лицо имеет (п. 1 ст. 1262 ГК РА).

Что касается вопроса составления завещания, «в том числе в отношении недвижимого имущества», по праву страны, где завещатель имел место жительства в момент составления такого завещания или акта, ясно, что российский законодатель дееспособность иностранного гражданина и судьбу недвижимого имущества желает подчинить праву страны, где завещатель имел место жительства в момент составления такого завещания или акта. При этом завещание может быть составлено либо по последнему месту жительства, либо по месту жительства.

К вопросу о действительности завещания с точки зрения его формы А.Л. Маковский считает, что «в случаях, когда отношения по наследованию осложнены иностранным элементом, форма завещания (равно как и акта его отмены, если она возможна не в виде завещания) должна удовлетворять требованиям хотя бы одного из трех порядков:

- праву страны, где завещатель имел место жительства в момент составления завещания; либо
- праву страны, в которой было в действительности совершено завещание («праву места составления завещания»); либо
- российскому праву» [7, с. 492].

Чтобы обеспечить действительность завещания с точки зрения его формы, И.Г. Медведев предлагает присоединиться к Гагской конвенции о коллизиях законов относительно формы завещательных распоряжений (1961 г.). Согласно ст. 1 Конвенции, список компетентных законов весьма обширен. Завещание рассматривается действительным в отношении его формы, если она соответствует требованиям закона: 1) места ее составления; 2) или гражданства завещателя, которым он обладал либо в момент составления завещания, либо на момент смерти; 3) или местожительства завещателя, которое он имел либо в момент составления завещания, либо на момент смерти; 4) или места, где завещатель имел основную резиденцию,

либо в момент составления завещания, либо на момент смерти; 5) или, для недвижимого имущества, места его нахождения.

Из этого следует, что «при подобных коллизионных нормах представить себе возможность недействительности завещания в силу несоблюдения требований к его форме очень сложно» [19, с. 127].

К примеру, «гражданин Израиля, Артур Шахимов, умер в своей московской квартире. Ранее он совершил завещание в Иерусалиме, где периодически жил, согласно местной форме (простой письменной с участием адвоката) и поместил его на хранение в один из израильских банков. Как исполнить в России завещание, находящееся за рубежом?» [16, с. 75].

Следующий пример приводит профессор Л.А. Лунц: «Советский гражданин, находясь в командировке во Франции в таком пункте, где нет советского консула, ввиду своего внезапного серьезного заболевания составил завещание, собственноручно им написанное, датированное и подписанное, но не явленное у нотариуса. Такое «олографическое» завещание считается действительным со стороны формы по французскому закону (ст. 970 ФГК), т.е. по закону, который действует в месте составления завещания, но оно не соответствует требованиям ст. 540 ГК, предписывающей нотариальную форму. Может ли суд в Москве признать такое завещание действительным со стороны формы? Утвердительный ответ на этот вопрос вытекает из ст. 567 ГК (ст. 127 Основ гражданского законодательства), по которой завещание не может быть признано недействительным вследствие несоблюдения формы, если последняя удовлетворяет требованиям закона места составления акта» [12, с. 27].

Из приведенных примеров видно, что завещание может быть составлено в разных ситуациях и соприкасается с разными правопорядками. Позицию И.Г. Медведева можно поддержать, потому что завещание может быть совершено по последнему месту жительства наследодателя, по месту обычного пребывания, по месту нахождения недвижимости, а также по гражданству. Исходя из этого, в законодательстве России (п. 2 ст. 1224 ГК РФ) и Армении (п. 2 ст. 1292 ГК РА) автором предлагается расширить сферу компетентных правопорядков, применяемых к форме завещания или завещательных распоряжений.

Остается открытым вопрос обратной отсылки в наследственных отношениях. Законодатели России и Армении не допускают в данной области обратную отсылку. По мнению В.Л. Толстых, «применение обратной отсылки в данном случае все же оправдано с позиций необходимости защиты интересов наследников, выделенных по отечественному праву» [27, с. 482]. По нашему же мнению, лица определенной степени родства с наследодателем (дяди и тети) по иностранному праву не имеют права на наследование, а по российскому праву они являются наследниками третьей очереди. Например, на территории иностранного государства умер российский гражданин. Иностранное право делает отсылку к российскому праву — праву гражданства наследодателя. Если иностранное законодательство не позволяет призывать к наследованию таких родственников (как дядю, тетю), то в таком случае отечественный суд должен отказать этим лицам в праве наследования, однако принятие обратной отсылки приведет к другому результату.

По нашему мнению, можно согласиться с позицией В.Л. Толстых, но автор обратную отсылку рассматривает как оправданный способ или прием, нацеленный на достижение защиты прав и интересов наследников.

В новом Гражданском кодексе Армении ст. ст. 1292 и 1293 регулируют наследственные отношения, осложненные иностранным элементом. Положения ст. 1292 ГК РА предусматривают, что:

«1. Отношения по наследованию определяются по праву государства, где наследодатель имел последнее место жительства, если завещателем не избрано в завещании право государства, гражданином которого он является.

2. Способность лица к составлению и отмене завещания, а также форма завещания и акта его отмены определяются по праву государства, где завещатель имел место жительства в момент составления акта. Однако завещание или его отмена не могут быть признаны недействительными вследствие несоблюдения формы, если последняя удовлетворяет требованиям права места составления акта или требованиям права Республики Армения» [22, с. 439-440].

Комментируя п. 1 ст. 1292 ГК РА, следует сказать, что общий статут наследования подчиняется последнему месту жительства наследодателя, хотя законодатель Армении предоставляет наследодателю право составить завещание по праву государства, гражданином которого является наследодатель. А.С. Довгерт считает, что «в институте наследственного права появилась возможность ограниченного применения *lex voluntatis* при составлении завещания (ст. ст. 1233, 1235)» [23, с. 37], *lex voluntatis* — означает «закон, избранный лицом, совершившим сделку» [18, с. 74]. Таких же взглядов придерживаются некоторые российские ученые.

По мнению А.М. Айкянца, «действующий Гражданский кодекс, предоставляя завещателю выбор права, пожалуй, рассматривается в условиях большого потока миграции как желание Республики Армения своих граждан держать в сфере действия гражданских законов Республики Армения» [1, с. 223]. Во-первых, желание держать своих граждан в сфере действия гражданских законов Республики Армения напоминает советские времена, и вряд ли можно согласиться с такой трактовкой; во-вторых, составить завещание — не обязанность, а право завещателя, которым он может и не воспользоваться; в-третьих, здесь необходимо быть осторожным в том, что изменение общего статута с помощью составления завещания еще не означает, что наследование осуществляется на основании завещания, ведь завещатель может выбрать в завещании только право страны и не более.

На наш взгляд, в п. 1 ст. 1292 ГК РА следует внести следующую поправку, а именно: «выбор права наследодателем будет недействительным, если после составления завещания его гражданство изменилось».

Суть данной поправки заключается в предотвращении дополнительных коллизий, связанных с изменением гражданства. Выбор правопорядка в наследственных отношениях является для стран СНГ нововведением, потому что советское право исключало в наследственных отношениях право выбора, хотя в некоторых европейских странах допускается выбор права (например, в Германии), но только в отношении недвижимого имущества, находящегося на территории Германии. Например, «абзац 2 ст. 25 Вводного закона к Германскому гражданскому уложению гласит, что для недвижимого имущества, находящегося внутри страны, наследодатель в завещании может выбрать германское право». В частности, немецкие ученые подчеркивают: «что касается формы выбора права, то таковой, согласно ст. 25 абзаца 2 Вводного закона к ГГУ о наследовании недвижимости, является завещание, а также любые завещательные распоряжения на случай смерти наследодателя, если они отвечают формальным требованиям, предъявляемым согласно ст. 26 Вводного закона к ГГУ и Гаагской конвенции от 09.10.61 о праве, применимом к форме завещаний компетентными правопорядками» [10, с. 121]. Вот почему необходимо поддержать позицию И.Г. Медведева о вопросе расширения компетентных правопорядков.

Преимущество коллизионной привязки «право гражданства» заключается, во-первых, в предоставлении выбора завещателю (в разных странах по-разному опре-

деляются вопросы круга наследников по закону, очередность призвания к наследованию, право обязательной доли, которое отсутствует в англо-саксонских странах и т.д.); а, во-вторых, в уточнении вопросов противоречия привязок «последнего места жительства» и «гражданства». Отметим, что проблема может возникнуть с вопросами налогообложения, потому что во многих государствах существуют высокие налоги на наследство, ставки которых растут в зависимости от величины наследства и от отдаленности степени родства между наследником и наследодателем.

Кроме того, на наш взгляд, правильно было бы в законодательстве России и Армении закрепить коллизионную привязку, касающуюся выморочного имущества. Предлагается следующая формулировка: переход к государству выморочного движимого и иного имущества осуществлять по праву государства, гражданином которого является наследодатель на момент смерти, при этом недвижимое наследственное имущество должно наследоваться по праву государства, на территории которого оно находится.

Изложенные в статье замечания и предложения могут способствовать правовому регулированию наследственных отношений с «иностранным элементом».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Айкянц А.М.* Международное частное право: Учеб. пособие. — Ереван, 2003.
2. *Богуславский М.М.* Международное частное право: Учебник. — 5-е изд., перераб. и доп. — М., 2005.
3. *Брун М.И.* Введение в международное частное право. — Петроград, 1915.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Части первая, вторая, третья и четвертая. — М., 2007.
5. *Донцов Е.М., Папушой И.Л.* К вопросу о коллизионных нормах в наследственном праве // «Черные Дыры» в российском законодательстве. — 2007. — № 1.
6. *Звеков В.П.* Международное частное право: Курс лекций. — М., 1999.
7. Комментарий к части третьей Гражданского кодекса РФ / Под ред. А.Л. Маковского, Е.А. Суханова. — М., 2002.
8. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части третьей (постатейный) / Отв. ред. Н.И. Марышева, К.Б. Ярошенко. — М., 2004.
9. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации: В 3 т. Т. 3. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части третьей / Под ред. Т.Е. Абовой, М.М. Богуславского, А.Г. Светланова. — М., 2007.
10. *Кох Х., Магнус У., Винклер фон Моренфельс П.* Международное частное право и сравнительное правоведение / Пер. с нем. д-ра юр. наук Ю.М. Юмашева. — М., 2003.
11. *Луниц Л.А.* Международное частное право: Учебник. — М., 1970.
12. *Луниц Л.А.* Курс международного частного права: В 3 т. — М., 2002.
13. *Мандельштам А.Н.* Гаагские конференции о кодификации международного частного права. Т. 1. — СПб., 1900.
14. *Марышева Н.И., Звеков В.П.* Новая кодификация норм международного частного права // Хозяйство и право. — 2002. — № 4. — С. 3-16.
15. *Марышева Н.И., Звеков В.П.* Новая кодификация норм международного частного права // Хозяйство и право. — 2002. — № 6. — С. 3-12.
16. *Медведев И.Г.* Международное наследование в нотариальной и судебной практике // Закон. — 2006. — Октябрь. — С. 55-89.

17. Международное частное право: Учебник / Отв. ред. Г.К. Дмитриева. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 2004.
18. Международное частное право: Учебник / Отв. ред. Н.И. Марышева — М., 2004.
19. Международное частное право и нотариальная деятельность. — 2-е изд. — М., 2005.
20. Модельный ГК для стран СНГ — Гражданский кодекс. Часть третья. Модель. Рекомендательный законодательный акт для Содружества Независимых Государств // Приложение к «Информационному бюллетеню». — 1996. — № 10.
21. Наследственное право / Отв. ред. К.Б. Ярошено. — М., 2005.
22. Официальный вестник Республики Армении: Гражданский кодекс Республики Армения. — Ереван, 2007.
23. Очерки международного частного права / Под ред. проф. А. Довгерта. — Харьков, 2007.
24. *Перетерский И.С., Крылов С.Б.* Международное частное право: Учебник. — М., 1959.
25. Полный сборник кодексов Российской Федерации / Под общей ред. Ю.Н. Власова. — М., 1998.
26. *Рубанов А.А.* Наследование в международном частном праве. — М., 1966.
27. *Толстых В.Л.* Международное частное право: коллизионное регулирование. — СПб., 2004.
28. Цивилистические исследования. Вып. 1: Сборник научных трудов памяти профессора И.В. Федорова / Под ред. Б.Л. Хаскельберга, Д.О. Тузова. — М., 2004.

THE COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CONFLICT NORMS APPLIED TO INHERITANCE IN THE RUSSIAN FEDERATION AND ARMENIA

A.T. Movsisyan

The Department of Civil and Labor Law
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya st., 6, Moscow, Russia, 117198

Article is devoted the comparative analysis of the conflict norms regulating hereditary relations, complicated by a foreign element. In it conflict questions of inheritance as the given norms have undergone some changes are considered.